

Фронтальная
поверка

В славную пору дружбы народов нашей некогда единой и неделимой страны в Тбилиси праздновалось 200-летие Георгиевского трактата. Город буквально наводнил весь цвет деятелей культуры Союза. За одним из шумных застолий аристократического вида пожилые грузины, оказавшийся моим соседом, наполнив до краев рог, с упоением говорил о знаменитых людях России, коих в разные времена вспоила и вскормила земля Грузии. И вдруг из уст его прозвучало: «Мы подарили вам артиста Брунова, прямого потомка уважаемого княжеского рода».

Встретившись на днях с Бруновым, вспомнил этот эпизод и спросил: «Как вас величают, Борис Сергеевич, - ваше сиятельство или товарищ князь?» Он усмехнулся: «А как хотите. Отец мой действительно грузинский князь Серго Дадешкилли в начале века покорило сердце эскадронной итальянской цирковой артистки из семьи Папи Бруно (отсюда и мой псевдоним), которая в России стала Марией Михайловной. Вскоре после моего рождения они разошлись, и мама вышла замуж за польского цир-

разговорного жанра.

- Между прочим, мог стать и парашютистом, поскольку на гастрольях в Днепропетровске умудрился совершить зачетный прыжок. Но... Весной 41-го наш цирк направили на Дальний Восток. Здесь-то и застала война. Никогда не забуду: услышав по приемнику весть о нападении Германии, о бомбежке Киева, я первым делом принес эту весть музыкантам циркового оркестра, а они сплошь были киевляне. Половина из них попадали в обморок: у всех остались там близкие. Закрыв сезон застало наш цирк во Владивостоке. Я обивал пороги военкомата, стремясь уйти добровольцем на фронт, и попутно встал на учет в концертном бюро при Доме офицеров. И вот весной 42-го пришла долгожданная повестка. Призван на Тихоокеанский флот. Сначала флотский экипаж, потом учебный отряд на острове Русском. Грыз военную науку, но и не забывал, что я все-таки артист цирка. Как тут было не заняться художественной самодеятельностью. Показывал фокусы, стрелял, выступал в роли чтеца, с акробатическими этюдами. Меня заметили и... направили в Ансамбль песни и пляски флота.

- Так начинался Брунов?

- В общем-то да. Десятки концертов в госпиталях, воинских частях. А тут Москва проводила первый после окончания войны конкурс флотских ансамблей. В жюри - среди музыкантов, поз-

- Нет, не представляете. Амбиций-то у меня было выше крыши. А репертуар - весь ворованный, надерганный у эскадронных гастролеров-конферансье. Напросился на прослушивание к тогдашнему хозяину Мосэстрады, думал, сразу напалов. А он мне, поморщившись: «Бог ты мой, ну почему я должен брать на работу человека, который в третьеразрядном исполнении пересказывает мне то, что я могу слушать в оригинале?» Или... Пригласила опекавшая меня в ту пору Рина Васильевна Зеленая в честь ее юбилея провести концерт в ЦДРИ. Вышел на сцену, глянул в зал и обомлел: на меня взирала Козловский, Гилельс, Хачатурян, Образцов, Дунаевский... Что я там мямлил, не помню. Помню, что провалился, да еще услышал от одного из чиновников Мосэстрады: «Надо знать, молодой человек, где и как выступать». Словом, пару лет я проходил школу конферирования все больше на периферии.

- Но сегодня в пору говорить уже о школе конферанса Брунова. Не в порядке комплимента, Борис Сергеевич...

- Очень жаль (смеется), обожаю комплименты.

- Так вот, в вашей манере вести концерты всегда угадываются несколько составляющих. Скажем, связь текста с реальными событиями, происходящими вокруг нас. Присутствие позитивных красок, пуск даже и на фоне не очень-то веселой нашей жизни.

ваш адрес сказано буквально следующее: «Любимый комик Хрущева». Вас так любили сильные мира сего?

- Ну что касается особой любви - это явный перебор. Тут, скорее, надо говорить о том, что все крупные события в нашей послевоенной истории не обходились без правительственных торжеств, в которых люди эстрады занимали не последнее место. Профессионализм же, думаю, ценится во все времена. Если следовать логике английского журналиста, от меня должны были быть без ума не только Хрущев, но и Микоян, Фурцева, Чжоу Энь Лай, Ким Ир Сен (мы давали в Пхеньяне концерт по случаю его 80-летия), Кунаев... Попробуй перечисли всех, кто в разные времена аплодировал нам в концертных залах и на торжественных приемах. Таких «покровителей» у меня действительно много.

- Вашему театру уже свыше сорока лет. Сколько блистательных имен вы объединили на одной сцене - Пугачева и Ротару, Бреговдзе и «Песняры», Поллад Бюль-Бюль оглы и Лайма Вайкуле... Несть ни числа, «звезд» бывшей советской эстрады. Вас не одолевает ностальгия? А может быть, и грусть, поскольку собрать сегодня такой «кворум» весьма проблематично. И получается, что эстрада России осталась в гордом одиночестве.

- А ведь это боль моя незатихающая. Я вот недавно слетал в Баку на 50-летие Поллады. И вел концерт, в котором приняли участие Лещенко, Винокур, Кобзон, Бреговдзе, Кикабидзе, Нурмухамедова, болгарин Бисер Киров... Это был праздник братания. И бесконечных воспоминаний. Нам сегодня всем тяжело от разделенности границ, финансового лиха. Глубоко убежден: мы стоим, если протянем друг другу руки, если обнимемся, как привыкли это делать на эстраде. Обнимутся наши культуры, являющие собой единый духовный мост. Это не декларация, это сама жизнь. К слову, на недавнем концерте в зале «Россия», посвященном юбилею Победы, я вывел на сцену 15 пар артистов в национальных костюмах, символизирующих республики бывшего Союза. Идея одна: мы вместе добывали нашу Победу. На том и стою.

- А состояние нашего эстрадного российского дома? Вам не кажется, что он, как бы это помягче сказать, стареет? И, наоборот, обретает нахрапистость, дурные манеры, порой неопрятность. Вы даже как-то заметили, что эстрада сегодня страдает, потому что ее покидает красота. Что вас радует и что тревожит в вашем довольно пестром хозяйстве?

- Радует, что, как бы ни ругали эстраду во все времена (а сей гани не избежали даже наши мэтры - Райкин, Миров и Новицкий, другие законодатели жанра), она все же выстояла, обрела свое неповторимое лицо. Обрела личности. Скажем, в моем «щеху» - это Карцев, Петросян, Новикова, Шифрин, Арлазоров, Хазанов, Евдокимов, поистине уникальные Жванецкий... На эстраду вышли прекрасные драматические актеры - Юрский, Калегин, Филиппенко. Да, у эстрады образовался перебор с современными ритмами, во многом спорной в эстетическом плане атрибутикой рока, но ведь мы имеем и блистательную Пугачеву. И тем не менее повод для тревог есть. И немалый.

Во-первых, согласен: эстрада стареет. Пока задает тон ее первый эшелон, его некоторых представителей я назвал. А дальше? Велик разрыв между зрелостью и юностью. Во многом потому, что бал сегодня правит коммерция. Есть деньги - может, и прорвешься, даже с пошлостью и безвкусицей, которые ныне, увы, в чести. Но ведь, как правило, денег нет, хотя молодых талантов немало. Расценки на телевидении ужасают, выпуск компакт-дисков, аудио- и видеопроизведения стоит миллионы. С большою думаю о своих учениках, которым я, профессор, преподаю в Российской академии театрального искусства. Найдут ли они себя в стихии рынка? Без меценатов, спонсоров и прочих денежных людей? А красота... Да, на нее сегодня дефицит на эстраде. Вы посмотрите, в чем сегодня появляются на сцене иные новомодные «звезды» и «звездочки». Поклонники Райкина, Мироновой, Шульженко шли на выступления своих кумиров, ничуть не сомневаясь, что посещают праздник не только отменного художественного вкуса, но и прекрасных концертных туалетов.

- Борис Сергеевич, все эти дни до вас невозможно было дозвониться. По телефону звучал стандартный ответ: «Он на встрече с ветеранами войны». Или: «Он на заседании комиссии по подготовке к 50-летию Победы». Судя по афишам Театра эстрады, вы уже празднуете...

- Заметьте, еще с прошлого года, когда вел концерт на открытии мемориала на Поклонной горе. В начале этого года в концертном зале «Россия» вместе со «звездами» российской культуры концертом «Лишь ты могла, моя Россия» мы открыли фестиваль в честь славной даты. Выступил сразу в трех лицах: автор сценария, режиссер и актер. Плюс цикл благотворительных концертов для фронтовиков. И, конечно, готовлюсь к майским торжествам. Смотрите, сколько на моем столе приглашений ветеранов. Было бы здоровье, никому не откажу. Я и сам солдат Победы и останусь в этом строю, пока бьется сердце!

Вел беседу
Владимир КАУШАНСКИЙ,
«Красная звезда».

Борис БРУНОВ:

Мы выстоим! Если возьмемся за руки...

кового артиста Юзефа Робертса. С ними-то я и вышел впервые на арену. И было мне 10 лет от роду».

В его кабинете директора и главного режиссера Московского Театра эстрады я подумал, что народного артиста России, профессора Бориса Брунова было бы точнее величать королем. Королем эстрады, без которого не обходились ни правительственные концерты, ни декады литературы и искусства, ни престижные фестивали, ни творческие конкурсы.

- Борис Сергеевич, в последний день января вы посетили госпиталь имени Бурденко, где находятся на излечения наши раненые в Чечне военнослужащие. Что вас туда привело?

- Обычное людское сострадание. А еще долг гражданина и артиста. И понимание того, что эти искалеченные мальчишки расплачиваются за непозволительную медлительность политиков, которым понадобилось три года, чтобы уразуметь: режим Дудаева - преступен. А впервые порог госпитальной палаты я переступил в далеком 43-м. По флотским делам я был командирован в Свердловск, там присоединился к группе артистов и вместе с ними дал несколько концертов в госпиталях.

- Меня удивило: люди, терпящие страдания от боли, отвечали вам улыбками, кто-то рассмеялся. Сработал ваш профессионализм?

- Не только. Знание психологии. Солдат, вкусивший горя, потерявший веру в добро, истосковался по положительным эмоциям. Когда я вошел в палату, мне показалось, что на лицах раненых написано недоумение: мол, вас еще только не хватало. И начал с байки, весьма популярной в годы войны минувшей: приехав в госпиталь, всю ночь артисты фронтовой бригады пели, плясали и показывали фокусы перед распластавшимся на койке больным, полагая его тяжелораненым. А тот под утро открыл глаза и сказал: «Мужики, да ведь доктор я, чертовски устал после операций, а раненые в соседней палате». Рассказал я эту байку и услышал смех. Контакт был установлен. А какие врачи в Бурденко! В их честь в пору устроить отдельный концерт. Что я и сделаю.

- Бескозырка в вашем кабинете, медаль «За боевые заслуги» в орденской колодке... Они, надо думать, взаимосвязаны?

- Напрямую. Как и у каждого фронтовика, у меня была своя война. И своя дорога на войну. Думаю, тут без лирического отступления не обойтись. Знаете, что такое семья цирковых артистов? Это хроническое бесквартирье, это жизни на колесах, это вечные гостиные, а для меня - еще и веренища школ в разных городах. С родителями я выступал в роли акробата-эксцентрика и в роли... стрелка, эдакий Вильгельм Телль, сшибающий меткой пулей яблоко с головы отца. К слову, я ведь прилично стрелял из мелкашки и страшно гордился, что в пионерскую пору носил на груди значок «Ворошиловский стрелок». Как-то раз в Москве отец привел меня в тир сада Эрмитаж. Я поразили все мишени и радостно сгреб причитающиеся мне призы. На следующий день отец вновь привел меня в тот же тир. Но его работники возопили: «Ни в коем случае не давать ему винтовку».

- И тем не менее из начинающего снайпера вы все-таки переквалифицировались в артиста

тов и композиторов - гранды нашей эстрады: Райкин, Утесов, Рознер... Мы заняли первое место и готовились к большой зарубежной поездке. Но грянула война с Японией. Погрузка в эшелон - и вновь дорога на Дальний Восток. Для участия в боевых действиях из ансамбля отобрали несколько человек. Меня - в качестве снайпера. Глубокой ночью в составе десанта мы ушли в море на эсминце. И на рассвете высадились в районе североокорейского порта Сэйсин. Промокшие, как черти, поливали берег автоматным огнем, гнали японцев из города...

- Все-таки своим уходом с флота вы нанесли ему, а скорее, Ансамблю песни и пляски, ощутимую потерю. Простите за иронию.

- Да куда ж я не уходил. Продолжал служить в ансамбле. Потянулася череда бесконечных гастролей: Курилы, Сахалин, Камчатка, Чукотка... Даже побывал в Порт-Артуре, куда нас отправили на пароходе «Севастополь». Еще один укол памяти. Шли через Цусимский пролив. В том месте, где в русско-японскую войну погибла наша эскадра, пароход дал длинный гудок, и ансамбль грянул знаменитую песню Милотина.

...Там русские спят адмиралы

И дремлют матросы вокруг,

У них прорастают кораллы

Меж пальцев раскинутых рук.

А демобилизовался в 48-м. Остался в местной филармонии.

И стал культивировать разговорный жанр. Лучший конферансье Дальнего Востока. А знаете, почему лучший?

- Да чего уж скромничать: Брунов - он и в Африке Брунов.

- Не угадали. Просто ни лучше, ни хуже меня в ту пору никого не было. Жанр такой, как говорил Райкин, специфический. По сути, один его и представлял.

- Однако вот покорило Москву морячок, хотя и представляю, чего это вам стоило в послевоенные годы. В смысле конкуренции. Ведь под крышей того же «Гастрольбюро СССР» собрались одни знаменитости.

Вы словно ставите перед собой некую сверхзадачу, выходящую за рамки драматургического соединения разрозненных концертных номеров. Или я ошибаюсь?

- Суть верна. В основе своей я исповедую на сцене синтез эстрады и журналистики, факта жизни и способа его подачи. Зрителю, с которым ты остаешься навесине в Москве, на Камчатке, в Новосибирске, неважно где, - всегда ближе человек, знающий его насущные заботы. Провинциальный зритель никогда не примет столичного снобизма. Тут или на равных, или никак. И потому я всегда тщательно готовлюсь к каждой поездке, к встрече с конкретной, а не абстрактной аудиторией. Так было и на станции Северный полюс-4, и на открытии Братской ГЭС, и в Георгиевском зале Кремля, где мне вместе с Райкиным, Беловым довелось вести концерт в честь победителей Олимпиады в Мельбурне, так было и на целине. Да всюду. Это традиция нашей эстрады, в частности моего жанра: жить тем, чем живет общество. Еще в 30-х годах мои предшественники взяли на вооружение принцип: утром - в газете, вечером - в куплете. Он, на мой взгляд, актуален и поныне.

- А все остальное?

- Вот вы сказали, что слышите в моих словах позитив. А иначе и быть не может. Мне претят пошлость, дешевое ёрничество, стремление пожесточе ударить по общеизвестным нашим болевым точкам. Другое много ума не надо. Труднее остаться на эстраде гражданином. Проще - рассказать со сцены грязный анекдот, согласно нынешней моде «обложить» КПСС, лягнуть «демократов», лихо помянуть все вожди всех времен и так далее. А я хочу быть правдивым, злободневным. И в то же время веселым, вселять в людей оптимизм, без которого жизнь покажется мрачнее тучи.

- Как-то мне показали старую английскую газету, в которой в